

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У80

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Оформление серии *С. Курбатова*

Редактор серии *А. Антонова*

Устинова, Татьяна Витальевна.

У80 Гений пустого места : роман / Татьяна Устинова. — Москва : Эксмо, 2020. — 352 с. — (Большие тайны маленьких городов).

ISBN 978-5-04-110019-3

В одну ночь Митя Хохлов лишился старого друга Кузи и... ста тысяч долларов. Вот такое совпадение. Или нет?.. Жили-были четыре друга, учились в одном вузе, поначалу работали в одном научно-исследовательском институте. Но потом двое из них стали бизнесменами. А Кузмин и Пилюгин остались в науке. Кузя был нелепый, вечно всем недовольный неудачник, когда-то подававший большие надежды. Правда, в последнее время он утверждал, что скоро разбогатеет, и даже сделал предложение руки и сердца их общей подруге Арине. И тут его убили... во дворе дома Пилюгина. Если он погиб из-за денег, откуда они взялись у простого ученого и кто мог знать о них? Только кто-то близкий... Мите Хохлову жизненно необходимо установить, кто убийца и кто вор.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-110019-3

© Устинова Т. В., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

Пусть сопутствуют вам всегда теплые слова в холодный вечер, полная луна в темную ночь и дорога с холма к порогу вашего дома!

Ирландский тост

...И еще она сказала, чтобы он отправлялся к своей мамочке или куда угодно, и Хохлов поехал к Лавровскому.

Не ехать же в самом деле к родителям!..

Метель мела, «дворники» не справлялись, Хохлов ехал медленно, время от времени тер рукой запотевшее стекло и растревлял свои раны.

Давно нужно было все это дело закончить!.. Сто раз говорил себе, что уже пора, но у него все никак мужества не хватало, и вот до чего дошло — они стали ссориться так, что она его выгоняет!

Какой ты мужик!.. Тряпка ты, и больше ничего, вот и езжай теперь к Лавровскому, а там еще неизвестно, как примут! Да и что значит — примут! Принять-то, конечно, примут, но не станешь же там жить целую неделю с чужими чадами и домочадцами, когда уже можно помирился с Галчонком и вернуться домой!

Давно нужно было все это дело закончить, ох, давно!.. По большому счету, лучше бы и не начинать!

Тут Хохлов засмеялся, перестал тереть стекло, прицелился, чтобы не угодить под «КамАЗ», и повернул налево, в переулки. Впрочем, в их городе все, что не центральная улица, бывшая Ленина, а теперь имени Жуковского, — это переулки.

До Москвы рукой подать, если до Кольцевой, то всего выходит километров двенадцать, а вокруг про-

винциальная глушь, и близость столицы ощущается только по красному мареву, которое колыхается на горизонте в той стороне, где мегаполис ворочается и ревет в своем ложе, как будто там непрерывно горит невиданное северное сияние.

Повернув, Хохлов перестал видеть сияние. Теперь перед ним лежала тихая, спящая в сугробах улочка, с двух сторон обсаженная липами и застроенная хрущевскими пятиэтажками.

Где дом-то? То ли этот, то ли вон тот, рядом с помойкой! Вечно он путает и никак не может запомнить! Впрочем, это и немудрено, если все вокруг одинаковое — и липы, и дома, и помойки, а фонарь, сколько себя помнил Хохлов, всегда горел только один, на углу, возле школы. Он и по сей день там горит, освещает въезд во двор и несколько торчащих из снега прутиков акации. Эти прутики когда-то во втором классе они ломали, привязывали на них бумажные цветы и маршировали с ними на Первомайскую демонстрацию. Тогда так было принято — на Седьмое ноября, день пролетарской революции, прикалывать к драповому пальтецу красный бант, а на Первое мая, день пролетарской солидарности трудящихся, навязывать на голые ветки бумажные цветы. Все считали, что это очень красиво, и Хохлов тоже так считал.

И вообще ему нравилось ходить на демонстрации, кричать «ура» и размахивать цветами.

Так дом-то какой, черт бы его взял?!

Тут ему пришла в голову гениальная мысль, что хорошо бы позвонить, прежде чем ехать ночевать к старинному другу, обремененному супругой и потомством, а заодно и спросить номер дома, но Хохлов, продолжая и в машине полемизировать с Галчонком, как-то позабыл о таком простом решении.

Он приткнулся под фонарем, выудил из кармана нагретый мобильный телефон, ошибаясь, потыкал тол-

стым от перчатки пальцем в кнопки, все равно не попал, сдернул перчатку зубами и нажал нужную кнопку.

— Алло!

— Диф, эфо я, Фофлов.

— Алло? — с недоумением переспросил Лавровский.

Хохлов выплюнул перчатку и сказал, что он поссорился с Галчонком, а теперь еще и Димкин дом потерял, и где он, этот самый дом, чтоб ему пусто было!

— Хохлов, это ты, что ли?!

— Нет, — мрачно сказал тот. — Ни фи́га не я.

— А... чего ты звонишь по ночам?!

— По каким еще ночам?! Время полдевятого только!

— Да ты что?! — поразился Лавровский. — А я думал, что уже... а-а-а... — И он вдруг откровенно зевнул в трубку.

— Говори быстро номер дома, — приказал Хохлов, — долго я еще тут буду стоять?

— Во... восемь, — с некоторой заминкой ответил Лавровский, но Хохлов был не настолько деликатен, чтобы заминки его смущали. — Квартира сорок пять. А где ты стоишь?

— Возле школы, — буркнул Хохлов. — Давай чайник ставь, я уже поворачиваю.

И он сунул телефон в карман, еще немного поскреб стекло, которое совсем запотело от его разговора и дыхания, и повернул во двор. Нет, нужно менять машину. Менять, менять, и никаких гвоздей! Завтра же поедет в салон и выберет себе... выберет... так, значит, завтра он поедет и выберет...

Приткнуться было некуда — снегом завалило весь двор, и машины стояли в один ряд, а какой-то удалец свою почти что на березу взгромоздил. Хохлов остановился и огляделся. И куда теперь?..

Завтра же он поедет в салон и выберет себе... трактор! А что? Милое дело на тракторе кататься! Раз уж

национальная зимняя одежда у нас шапка с ушами и тулуп с валенками, значит, национальной зимней машиной у нас должен быть трактор!

Пришлось встать возле самой помойки. Завтра с утра сюда потянутся пенсионеры с ведрами и будут его ругательски ругать, потому что прямой доступ к такому замечательному месту практически перекрыт, а еще с рассветом на помойку слетятся голуби, божьи птички. Голуби изгадят всю машину, кляксы помета замерзнут и впечатаются в краску, и не отмыть их будет, не оттереть, и придется Хохлову с голубиными метками ездить!..

Впрочем, недолго, ибо завтра он купит трактор и будет ездить на нем.

Хохлов выбрался из машины как раз в ту сторону, где в рядок стояли ящики, и сразу же почувствовал непередаваемый запах, который не мог заглушить даже ядреный русский мороз.

Тут телефон у него зазвонил, и он подумал, что вдруг это Галчонок одумалась и можно теперь поехать домой переночевать, а к Лавровскому не переться!

Звонила мать.

— Митя?

— Вася, — представился матери Хохлов.

— Мить, ты где? Я домой звонила, а там никто трубку не берет!

Галчонок страдает и не отвечает на звонки, понял Хохлов.

— А я... к Димке поехал, мам. Нам поговорить нужно.

— К Лавровскому?

Хохлов промолчал. Он терпеть не мог, когда ему задавали такие вопросы. Все ему казалось, что таится в них ущемление его свободы и вообще поражение в правах. Ну какая разница, к какому именно Диме он поехал?! Матери до этого что за дело?! Ее сыночку сорок лет скоро, а она все спрашивает, все выясняет, все

беспокойство проявляет! Зачем, зачем?.. Сидела бы перед телевизором, смотрела бы телеканал СТС, пила бы свой смородиновый чай да перекликалась с отцом, который в последнее время стал глуховат, — отличная жизнь!

— Мить, а когда ты вернешься?

— Куда... вернусь?! — Ему вдруг показалось, что мать знает о его ссоре с Галчонком, и он насторожился.

— Ну, домой-то когда поедешь?

— А что такое?

— Да не ездил бы ты по ночам, — с сердцем выговорила мать. — Сам знаешь, какая нынче обстановка.

— Какая обстановка, мама?!

— Криминогенная, — твердо сказала она. — А криминогенная обстановка очень опасная.

— Все будет хорошо, — уверил ее нежный сын. — И не приставай ко мне, мама!

Она вздохнула.

Когда она задавала дурацкие, с его точки зрения, вопросы, он раздражался до невозможности.

А когда она вздыхала, он чувствовал себя скотиной и раздражался еще больше.

— Мам, пока, — скороговоркой произнес Хохлов, — отцу передавай привет и скажи, чтобы он сам подфарники не ставил, я завтра пришлю кого-нибудь, и машину отвезут на сервис.

— Какой еще сервис, Митя! Это же очень дорого! Папа отлично сам поставит в гараже!

— Мама, я знаю, как он поставит! Сделает на соплях, а потом все равно придется в сервис ехать!

— Митенька, он машину водит уже пятьдесят лет, и, я думаю, он знает...

— Мам, короче, все. Завтра у него машину заберут и завтра же вернут, поняла?

— Поняла, — ответила мать тихо, — все поняла.

Хохлов перелез через сугробы на более или менее расчищенную дорожку и зашагал к подъезду.

Неужели в таком возрасте я буду на них похож?! Да быть того не может! Неужели я тоже не буду слушать разумных советов, все стану переиначивать по-своему, отказываться от того, чтобы мои дети решали за меня все проблемы, а я бы тихонечко сидел в углу и пил свой смородиновый чай? Неужели я тоже буду таким упрямым и перестану понимать жизнь, и меня придется все время тащить в светлое будущее, как мула на веревке, а я превращусь в ретрограда и старую перечницу?! Не может, не может такого быть!.. И чего им не хватает?! Всего им хватает! И ничего не нужно — сын обо всем заботится! И решать ничего не приходится — сын давно уже все порешал, и затруднений никаких у них быть не может, потому что он, Хохлов, давно уже ликвидировал все затруднения в их жизни!

Вот так примерно думал тридцативосьмилетний Дмитрий Хохлов, оскальзываясь на ледяной дорожке, которую экономный дворник лишь слегка поперчил песочком, и невдомек ему было, что все вопросы, которые он себе задает, давно уж заданы, и ответа на них нет и быть не может, и великий русский писатель Тургенев даже книжку на сей счет придумал и назвал ее «Отцы и дети»!

Хохлов уже потянул на себя скрипучую подъездную дверь, когда телефон у него снова зазвонил.

Не иначе отец с разъяснениями, что на сервис он никогда в жизни не поедет, а будет сам в гараже на морозе ковырять свою машину, и вообще, врагу не сдастся наш гордый «Варяг»!..

Звонила Арина.

— Ты чего? — не поздоровавшись, спросил Хохлов и придержал дверь, чтобы она не стукнула его по лбу.

— Привет, Мить.

— Здорово.

На том конце тихонько вздохнули, но он услышал.

— Ну что?

— Да ничего особенного, — сказала Арина с досадой. — Кузя решил на мне жениться, представляешь?..

— Как?! — поразился Хохлов.

— Как, как! Обыкновенно! Как люди женятся?

— Кузя решил на тебе жениться?! — переспросил Хохлов, будто не веря себе, и захохотал.

— Мить, ты хочешь, чтобы я обиделась?

— Ничего ты не обидишься, — уверил ее он. — Ерунда какая!.. А Кузя что? Предложение сделал?

— Представь себе, сделал!

— Ну, он же говорил, что после Катьки-заразы ни на ком больше никогда не женится!

— Это он раньше так говорил, а теперь говорит, что... ну, короче, он просит меня выйти за него замуж.

— А ты что?

Она опять вздохнула:

— А я не знаю. Вот тебе звоню. Чтобы посоветоваться.

— Да чего советовать, — грубо сказал Хохлов. — Ну если хочешь, выходи за него замуж, да и все. Подумаешь, бином Ньютона!..

— Да я сама не знаю, хочу я или нет!

— Ариш, — сменив грубый тон на проникновенный, произнес Хохлов. — Ну, мы же все знаем, что он сумасшедший. Ну хочешь замуж — выходи, но чтобы никаких иллюзий, поняла?!

— Каких иллюзий, Митя?

— А никаких! Выбрала психа, значит, будет у тебя муж-псих! Все равно ты его никогда не перевоспитаешь и нормальным не сделаешь! Превратишь свою квартиру в дурдом и будешь в нем жить со своим мужем-психом. Вот так. И никаких иллюзий.

Тут она вдруг заплакала, и Хохлов совершенно не понял, из-за чего. Ничего такого он ведь не сказал!..

— Все вы, мужики, сволочи и придурки, — всхлипывала она.

— Да это понятно, — подтвердил Хохлов, и она положила трубку.

Ничего. До завтра авось замуж еще не выйдет, а с утра он ей перезвонит, и они все обсудят.

Кузя сделал ей предложения, поди ж ты!.. Поднимаясь по лестнице, где третья ступень была отколота, а последняя торчала вверх, как неправильно выросший зуб первоклассника, Хохлов даже головой покрутил. Эх его разобрало, Кузю-то!.. Впрочем, удивляться нечему. Катька-зараза бросила его уже лет восемь назад, но жизнь идет, нужно как-то устроиваться, так почему бы и не жениться ему на Арине Родиной?! Никакая «новая» женщина за него уж наверняка не пойдет, а Аришка своя и замуж никогда не ходила, самая подходящая для него партия!..

Рассуждая таким образом, Хохлов довел себя прямо-таки до белого каления и, когда Лавровский открыл дверь, уже пребывал в состоянии быка, который роет копытом землю и готов боднуть первого, кто попадется ему на рога, хоть своего собрата-быка, хоть матадора, хоть забор.

Лавровский на пути был первым.

— А ты чего, спать, что ль, в полвосьмого ложишься?! Как в голландском городе бюргеров?!

— Мить, ты чего?

— И двор ни хрена не чищен! Или у жильцов денег не хватает дворника нанять?!

— Митя!

— Если не хватает, так я могу ссудить! Только на дворника и по карманам не тырить! Машину некуда поставить, твою мать...

— Дмитрий, — громко перебила его изливания жена Лавровского Света, появляясь в тесной прихожей. — Я прошу тебя не выражаться. У нас дети.

— Ах, пардон, пардон! — вскричал Хохлов. — Прощения просим! Недоглядел! Ошибся! Больше не повторится!

— Митька, — миролюбиво сказал Лавровский. — Ну чего ты ерепенишься? Поругался со своей, и ладно!.. Мы-то ни в чем не виноваты!

Виноваты были все — и Лавровские с их детьми, и родители с их машиной, и Арина с Кузей.

— Ты останешься ночевать? — спросила Света. Голос был недовольный, и это тоже понятно.

Кому охота суетится, организовывать «спальное место», до полшестого прислушиваться к кухонным разговорам и звону стаканов, до полседьмого старательно зажмуривать глаза, когда гость лезет через «большую комнату», где спят хозяева, в туалет! А утром встать помятой, невыспавшейся, разбитой, быстренько ликвидировать на тесной кухне последствия возлияний, быстренько собрать детей в школу, сушить одежду муженьку, который сидит на краю тахтюшки в трусах, тарашит мутные глаза и невыносимо воняет перегаром! Да и неизвестно, на сколько гость прибыл, может, на три дня, а может, на неделю! По молодости бывало и так, что они по месяцам друг у друга ночевали, когда ссорились с женами и начинали «жизнь заново»!

— Светик! — провозгласил Хохлов. — Я все понимаю, но деваться тебе некуда. Твой муж работает на меня, и поэтому я тиран и самодур и с подчиненными веду себя как хочу. Сегодня я изволю у тебя ночевать, и ничего ты с этим поделать не можешь!

— Какой я тебе подчиненный! — себе под нос пробормотал Лавровский.

У него была «особенная гордость», и этой гордости трудно было смириться с тем, что Хохлов платит ему деньги. Вот трудно, и все тут!..

— Наш Кузя сделал Арине Родионовне предложение, — сказал Хохлов, нагнулся и стал искать тапки

под обувной полкой. Вытащил серые от пыли и не стал надевать.

— Да ты что? — изумилась повеселевшая Света. — Ну... и отлично! Они хорошая пара, и, в конце концов, ей замуж давно пора!..

Тут Лавровский и Хохлов одновременно вскрикнули, но разное. Лавровский укоризненно вскрикнул:

— Света!

А Хохлов:

— Ну, не за Кузю же!..

Света же, напротив, ответила обоим сразу:

— А что — Света? И почему не за Кузю? Ну, если разобраться, он ведь совершенно нормальный мужик! Очень даже хороший! — И она отправилась на кухню.

— И если очень приглядеться, он отличный пацан, — блеснул Хохлов знаниями русской поп-культуры. — Жениха хотела, вот и залетела, лай-лай-ла-ла-лай!

Света моментально вернулась из кухни. Вид у нее был совершенно счастливый:

— Залетела?! Арина залетела от Кузи?!

— Это песня, — объяснил Хохлов. — Я пою, ты что, не слышишь? Лай-лай-ла-ла-лай!

— Не залетела? — переспросила разочарованная Света, по хохловскому лицу она поняла, что ее надежды не сбылись, и вернулась обратно на кухню.

— А откуда ты узнал? — шепотом спросил Лавровский. — Ну, что Кузя предложение сделал?

— От Родионовны, откуда же еще!..

Памятуя о няне великого поэта Пушкина, свою подругу Арину Родину они звали, разумеется, Ариной Родионовной. Звали так уже лет, ну, восемнадцать, и все это время сия шутка их смешила.

— Он мне тоже звонил, — сообщил Лавровский.

— Он — это кто? — уточнил Хохлов. — Тебе тоже «звонил» Арина? Наш «девочка» звонил тебе?

— Кузя звонил. С полчаса назад. Говорил загадками, наверное, из-за того, что жениться собрался.

Хохлов сел на диван. За тонкой дверкой из крашеной под мореный дуб фанеры раздавались голоса. Девочка верещала: «Отдай!», а мальчик монотонно повторял: «Не отдам, не ной!» На кухне Света гремела посудой, и слышимость была такая, как будто она накрывала стол прямо тут, на диване.

Вот интересно, можно накрывать *стол на диване*?!

Лавровский походил по комнате, зачем-то выглянул в окно, поправил занавеску, вернулся и примостился рядом с Хохловым.

— А откуда у него могут быть деньги, а? — спросил он, и беспокойство, самое настоящее, словно выпавший снег, вдруг покрыло все его лицо и даже длинный нос. — Или он гранты какие-то добыл?

— Кто добыл гранты? — спросил Хохлов и зевнул.

— Я имею в виду Кузю.

— Да какие у него гранты, Дим! Ты же знаешь! Что-бы гранты были, нужно на конференции ездить, в научных журналах печататься, умные речи произносить, с нужными людьми сходитьсь! А Кузя сидит всю жизнь на одной теме да все толкует про то, что кооператоры родину продали! А раньше толковал, что коммунисты ее продали! Ты чего? Забыл?

— Да я помню, — согласился Лавровский, — но тогда откуда у него деньги?!

— Какие деньги? Полтинник к зарплате прибавили?! Госдума приняла закон о поддержке молодых дарований вместе с поправкой, что отныне молодым дарованием считается каждый научный работник младше восьмидесяти пяти?!

— Ты не ори, — попросил Лавровский и показал головой на кухонную дверь, за которой орудовала Света. — Ты же знаешь, как она... болезненно относится...

Света Лавровская очень переживала из-за того, что